

Шестой этаж без лифта

История

Жил-был дом
В чистом поле за углом,
В городской черте,
На огромной высоте...
«Сплин»

– Так когда ты уезжаешь?

Кажется, этот вопрос сегодня уже звучал как минимум дважды. Однако вся компания сделала вид, что уже забыла два первых ответа – вопрос прозвучал, и друзья воззрились на Кирилла в надежде, что на третий раз он скажет что-нибудь новое.

– Когда-когда! Когда Оксана хату мою продаст!

– Оксана?

– Я работаю над этим, – подруга развела руками. – Но что делаешь – на рынке застой!

– No money – no Moscow!

– Я надеюсь, ты отдаёшь себе отчёт, что в Москве на эти деньги ты ничего не купишь? – фыркнул кто-то, и Оксана, считающая своим долгом предупреждать Кирилла об этом каждый раз, стоило зайти речи о продаже, согласно кивнула и выразительно вытаращила глаза.

– А я и не буду ничего покупать, – буркнул Кирилл. Ему не нравилось, когда обсуждали его планы. – Сейчас немодно иметь недвижимость! Посмотри на двадцатилетних – сегодня они снимают в Москве, завтра – в Барселоне...

– В Тамбов можно заехать...

– Можно. Собственность человека привязывает к месту. А я сейчас больше всего хочу развязаться с этим самым местом!

– Что ж ты тогда Алёне квартиру не оставил?

– Схренали?! Мне она от родителей досталась. Ты за мою жену не беспокойся – она уже месяц как переехала в гораздо лучшую квартиру, и моя хрущёвка ей нафиг не сдалась.

– А мне вот интересно: вы тогда были в браке, как в этом случае...

Кириллу захотелось немедленно распрощаться, расплатиться и уйти. За год, прошедший с момента развода, его достали разговоры о дележе его наследства, о том, что получила и не получила его бывшая жена и с чем остался сам Кирилл. Потому-то он и торопил Оксану с продажей.

Больше пообсуждать нечего. Некогда весёлая компания порой превращалась в унылую тусовку с пенсионерскими спорами о новостях по телеку, записи на приём к врачам и графике отпусков в столь же унылых конторах, по которым все они расселись после институтов и за десять с лишним лет приросли к креслам.

– Знаешь, Кирюх, вот из моих знакомых... ну не то, чтоб совсем моих – но из тех, кто в Москву подорвался, никто особо и не рад. Все летят за большими деньгами и большими возможностями, а по факту снимают однушку где-нибудь в Капотне или Свиблово и работают кассирами в супермаркетах. А те, кто нашёл хорошую работу, по два часа в одну сторону на неё едут. А Москву даже в окошко по пути не видят, потому как метро-то идёт под землёй!

– Ну и пусть! Я согласен быть кассиром и тратить два часа на метро. Можно подумать, здесь они у меня с большей пользой проходят! К жизни надо относиться легче, а не так, как мы. Когда терять уже нечего, ты либо разбиваешь голову об стену, либо начинаешь проще на всё смотреть.

Из кофейни Кирилл возвращался вместе с Оксаной – они с детства жили в одном районе.

Несколько дней назад наступление зимы было остановлено неизбежной ноябрьской оттепелью, и теперь, когда вся снежная каша на тротуарах растаяла или была убрана, весь лёд был засыпан песком с солью, все сосульки упали с крыш, а все лужи высохли, было по-настоящему хорошо.

– Обожаю это время, – поделился Кирилл. – Оно – как внеплановая остановка, которая неизвестно сколько продлится, но можно выйти погулять. Ещё одна осень, когда все с ней уже давно попрощались. Или вообще пятое время года. Как второй шанс. Посмотри, какая чернота в конце проспекта! Кажется, что прямо над городом висит космос.

Они свернули в неосвещённый проулок за сквером и стали подниматься к своему району. Дорога пошла в горку: весь город растянулся по сопкам.

– Может быть, останешься?

– Нет, – он решительно мотнул головой. – Ничего хорошего меня здесь не ждёт. Ничего у меня здесь уже не будет, а что было и то про...!

– Не выражайся.

– Пардон, мадам. Даже вы, мадам, не даёте мне выразить всю мою грусть. А мне так хреново в последнее время, что сложно подобрать другие слова.

– Кирюх, да брось, всё может измениться в любой момент!

– Угу. Только что-то в предыдущий миллион моментов ничего не изменилось.

И видя, что подруга набирает в грудь воздуха для новой утешительной атаки, напомнил:

– Ничего не предпринимая, ничего не получишь.

– Мы обязательно всё получим, – с фаталистической уверенностью заявила Оксана. – Отчасти это будет то, что мы хотим, отчасти то, что мы заслуживаем.

– Исходя из этой аксиомы, я и не заслуживаю, да и не очень-то хочу, – хмыкнул Кирилл. – И определённая справедливость в этом есть.

– И что ты хочешь получить от Москвы?

– Задай вопрос по-другому – что мне терять? Семья развалилась. С карьерной лестницы я навернулся. Квалификацию, считай, растерял. Занимаюсь какой-то хренью, мою работу может делать школьник на летних каникулах! Перемен ждать попросту неоткуда.

Кирилл пнул попавшийся на дороге кусок льда и добавил:

– И вообще моя жизнь на данном этапе такова, что остаётся либо повеситься, либо уехать куда подальше и попробовать там начать всё с чистого листа. Мне больше по душе второй вариант. Тем более, что повеситься я всегда успею.

На последней фразе он поспешил улыбнуться Оксане, потому что её пальцы сильнее впились в его локоть, ногти почти проткнули куртку. Всё равно вышло довольно кисло.

– Да у тебя из всех нас самая бурная жизнь! Ты женился – раз! Развёлся – два...

– А теперь ещё свалю – три, и вообще обойду вас, как стоячих! Подруга усмехнулась.

– Так что давай-давай, Оксана, не смейся, а шебурши там что-нибудь, я не хочу ещё один Новый год здесь встретить!

– Да я стараюсь, Кирюш! Но сам знаешь – квартира у тебя самая стандартная, один плюс, что с хорошим ремонтом.

– Да у нас в городе все квартиры – стандартные!

– Ну не скажи, и у нас есть много разных планировок. Есть интересные... Завтра приведу к тебе человечка... Я ему сначала на горе квартиру покажу, а потом твою. Твоя всё-таки удобнее расположена.

– Давай, Ксанка, я уже на чемоданах!

Они поднимались по уходящей вглубь их старейшего района улице. Она взбегала круто вверх, на сопку. Там город фактически обрывался: сплошь деревянные улочки на противоположном склоне сопки были уже полностью расселены и догнивали, сотрясаемые дрожью проходящих по железнодорожной ветке внизу составов. Вся улица, по которой шли Кирилл и Оксана, была застроена

старыми двух- и трёхэтажными домишками, и только в конце её, на самой вершине сопки, высились два огромных, выстроенных зеркально по обеим сторонам дороги «сталинских» дома.

Это казалось каким-то архитектурным просчётом. Как будто архитекторы планировали застроить такими же зданиями весь склон, но попробовав, отказались от этой затеи.

Оксана махнула рукой в сторону дома слева от дороги.

– Я вот в этом доме квартиру продаю, на пятом этаже, под самой крышей.

Кирилл сощурился:

– Их вроде шесть!

– Там полуподвал высокий, с пол-этажа. Ну да, получается, как шесть.

Кирилл остановился (Оксане тоже пришлось притормозить) и всмотрелся уходящую в ночную тьму громаду, контур которой снизу подсвечивали оранжевые уличные фонари:

– А знаешь, я всегда мечтал жить именно в этом доме.

Оксана задумчиво посмотрела вверх.

– И каждый день взбираться на такую верхотуру?

– Оттуда, наверное, вид хороший и... как бы сказать? Он как будто не имеет отношения к нашему городу и вообще ни к какому городу, а сам по себе. Торчит тут, как вулканический остров, будто и нет ничего вокруг, и свысока на всё смотрит.

– Гора Арарат! – улыбнулась Оксана. – Так что тебе мешает? Эта квартира стоит столько же, сколько и твоя. Покупай и живи!

– Нет уж, оставаться здесь я не буду даже ради квартиры мечты!

– Тогда приходи просто посмотреть. Она стоит пустая. Полюбуйся на мечту изнутри. – Оксана вдруг задумалась и толкнула его плечом в плечо: – А хочешь, вообще можешь здесь пожить! Хозяева сдают квартиру до продажи.

Они свернули в переулок и скоро подошли к трёхэтажному дому Оксаны. В угловой комнате горел свет. Силуэт возник в разрезе штор.